

ПРАВООЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-353-388

Research Article

THE LEGAL STATUS OF A LAWYER IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA: COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS

Denis A. Dobryakov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Mikluho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. Corporations of attorneys-at-law (in Russian this term is a synonym to “advocate” and similar to “lawyer”); it means a legal professional who passed qualification exam and obtained special status of a lawyer) in the Russian Federation and the Republic of Korea passed complicated historical way and now have many common and even universal features, though circumstances of their forming were completely different. In both Russia and Korea lawyers are members of one of the most significant civil society institutions, which protect rights of their citizens, seeking legal advice or receiving such advice by other means (for example, when a lawyer was designated by investigator in the Russian Federation). Attorneys-at-law face challenges in their qualification and practical experience. Candidates for the status must pass a special test (the qualification exam), but there are some exceptions. One of the important differences is Korean law on the bar and lawyer activities regulated by the Russian legislation. If in Russia every candidate for lawyer's status must pass qualification exam without any exceptions in terms of experience and previous employment, in the Republic of Korea former prosecutors and judges have privileged position and are exempted from the examination as appropriate level of their qualification is presumed. At the same time, in the Russian Federation a candidate for lawyer's status is a priori jurist what means that he must have higher education in the field of law, while in the Republic of Korea access to the attorneys' corporation is open to everyone regardless of the level and profile of education. However, non-jurist candidates must pass a bar exam. This article provides a comparative-legal analysis of the development and modern regulation of the legal status of a lawyer in the legislation

© Dobryakov D.A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

of the Russian Federation and the Republic of Korea, examines both the differences of the legislation of the named countries, as well as common features. Besides this study is one of the first in the Russian legal science with reference to the Korean bar.

Key words: bar association, advocacy, lawyer activities, history of bar, legal status of a lawyer (attorney-at-law), human rights activities

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation:

Dobryakov, D.A. (2020) The legal status of a lawyer in the Russian Federation and the Republic of Korea: comparative-legal analysis. *RUDN Journal of Law*. 24 (2), pp. 353–388. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-353-388.

Article received December 07, 2019

Article accepted April 10, 2020

Introduction

The judicial representation existed all around the World in various shapes after the judicial institutions emerged and society realized need for qualified legal advisers. Obviously, the vision of the appropriate level of “qualification” and functions of judicial representatives has changed over time, because it is hard to imagine that something more than ability to read and write was initially required from them. Gradually, the bar developed from judicial representation and became a corporation of professional and independent advisers that provide legal assistance to their clients (principals) and protect their interests both in legal proceedings and in other circumstances.

The bar can rightly be considered one of the oldest and most significant human rights institutions, which is “based on the human mind and the pursuit of justice”. Moreover, the right of a person for a defender (a lawyer, not only an adviser and representative, but also an advocate) has been considered inalienable and natural since olden times (Stoyanov, 1869:1–2).

Over time, the bar has become a respected community, whose members have reputation of competent lawyers, carrying out their activities in strict accordance with the law and corporate ethical principles. Such communities formed both in Russia and Korea. However, the historical path of the bar associations in these states was quite thorny.

The bar in Russia emerged from nowhere in 1864 as a result of the judicial reform of tsar Alexander II — at least, the barristers of imperial-era Russia insisted on such approach to the history of their corporation. “We didn’t come from them, we didn’t even come from their ashes, we are completely new people, we don’t have any historical relationship or consistent connection with them, and we are proud of that fact”, claimed Pavel Potekhin in 1900, denying any connection between post-reform barristers (primarily attorneys-at-law) and pre-reform scriveners and lawyers (Gessen, 1914:1–2).

In 1860, Alexander Lokhvitsky (Lokhvitsky, 1860:43–44) noted that the pre-reform attorneys who were professionally involved in legal services may be conditionally divided into two types. The first one evolved from previously existed scribes and provided not only “normal” legal assistance to their clients, but also made fake passports for them and took 1.23 litres of vodka (an old Russian measure “shtof”) or a few rubles as payment. In the same time the others called themselves “lawyers” without any real reason and right for it; generally, they had higher education and demanded several hundred rubles for drawing up a document. By the way, even in 1820 in governmental papers scribes were identified as the main culprits of lawsuits and unfair decisions. Therefore, it was not recommended to entrust them with participation in proceedings (Solomatin, 2011:185).

In 1864, with the adoption of the Decree on Judicial Statutes, an institute of attorneys-at-law was established. They were lawyers with clearly regulated activities and reputation completely different from that of pre-reform scribes and other so called “lawyers”. Only persons with a higher education in the field of law were entrusted to become an attorney-at-law. In addition, candidates were required to have employment experience not less than five years in the judicial system on positions where they had an opportunity to obtain practical knowledge about court proceedings, or at least five years be candidates for such positions, or be engaged in judicial practice as assistants of attorneys-at-law.

There were some basic restrictions for candidates. Persons younger than twenty-five years, foreigners, state officials (even on elected positions), bankrupts as well as suspects under investigation or those convicted by court sentence and/or those who had lost status of attorney-at-law had no access to the Bar.

To join the bar association a candidate had to submit an application to the Council of attorneys-at-law and add all documents characterizing his/her personality, skills and compliance with law requirements. Acting legislation did not contain any regulation of qualification exam procedure and personal interview with candidate, so the Council of attorneys-at-law made decision on every candidate after analyzing the submitted documents and information they contained¹.

Although until 1864 in the Russian Empire there were no lawyers corporation as an institution close to modern sense (Chabaeva, 2006:175), it should be noted that judicial representation arose in Russia much earlier and this fact is confirmed in written documents from the 15th century (Osadchuk, 2013:82).

In 1917, the bar association and all other forms of representation and rights advocacy based on the criteria of professionalism were liquidated by the very first legislative act of the Soviet government (On the Court Decree) as a bourgeois remnant and a full-fledged “counter-revolutionary class” (Solomatin, 2009:252–253). However, the judicial representation itself has survived; any Soviet citizen with an

---

¹ Complete collection of laws of the Russian Empire. — The second edition, volume XXXIX, second division. SPb: Printing House of His Imperial Majesty’s Chancery, 1867. Pp. 209–214.

impeccable reputation could enjoy the right to carry out the functions of representatives and defenders in courts (Gavrilov, 2018:65).

Since 1918, the Soviet advocacy has undergone many changes, affecting, *inter alia*, the legal status of lawyers. At first, lawyers and representatives found themselves in the public service as officials with a fixed salary from the state treasury (Mishina, 2013:76–77). Then, the requirement for two-year experience in the field of jurisprudence was introduced for the candidates for the respective positions (Kamalova, 2015:13). Finally, with adoption of the USSR law On the Advocacy of the USSR in November 30, 1979 the higher education also became mandatory and the formation of the Soviet advocacy was generally completed (Zakharenkov, 2017:12–13). With some amendments and additions Soviet legislative regulation of the advocacy as legal profession persisted until July 1, 2002, when the acting Federal Law No. 63 of May 31, 2002, “On Lawyer Activities and the Bar in the Russian Federation came into force (another semi-official translation is On the Practice of Law and the Legal Profession in the Russian Federation)”.

The historical path of the bar association in the Republic of Korea was different and it is important to underline, that legislation of Korean kingdoms was based on Chinese law until the end of XIX century. For example, from 1395 to 1905, “The Great Code of the Ming Empire; with explanations” was in force there — it was a Chinese criminal code with comments by Korean officials, supplementing some articles of the law to better applicability in local conditions (Bourgon, Roux, 2016:21). Such situation was typical for Korean legislation and fully related to judicial representation and rights advocacy.

There is a stereotype in the Korean law science, that residents of Korean states in the past preferred to avoid participation in court proceeding by any ways. Similar situation was observed also in Russia before 1864. At the same time, survived documents show a relatively large number of lawsuits in which the parties defended their civil rights and property interests. This fact, as noted by South Korean researches, allows to conclude that there was a wide participation of the citizens in legal proceedings, in which they were assisted by representatives, some of whom served as scribes (Sim, 2016:136-137). However, judicial representatives were often family members or other relatives of their client even at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries in Korea and most of them participated in the proceedings only once and did not participate in such function in other cases (Sim, 2018:84–85).

In 1894–1895, large-scale Gabo Reform took place in Korea. This reform significantly changed many aspects of social relationships and modified judicial system according to the Western standards of court proceedings organization. Although such standards were adopted by Korean legislation indirectly, not Western states, but Japan was the main source of “inspiration” for Korean reformers. By this time, Japan opened itself for external influence and at the same time began to spread its own influence on neighboring countries, including Korea (Son, 2016:300).

However, in Korea the bar association did not emerge to modern form until 1905, when the Korean state lost its sovereignty and became a protectorate of the Japanese Empire (Sin, 2008:121). The loss of sovereignty transformed political and legal life of the state more than national reforms, because Japanese legislation and legal institutions were intruded. The new Korean association of lawyers was not fully “Korean” not only in legal regulation but also in practice, because since 1909, Japanese lawyers have gained the right to practice law in Joseon (the Korean kingdom, and later the puppet “empire” under the complete control by Japan) according rules which were adopted at the insistence of Japanese administration. It is worth mentioning that from 1906 to 1908, only twenty Korean lawyers were registered and practiced law in Korea, half of them studied in Japan, and about a third were retired state officials (Son, 2016:299)

Only in 1949, when the Korean state was independent for several years but already divided into antagonistic northern and southern parts, the South Korean Attorney-at-law act was adopted. The first edition of this law was very different from the acting one and reflected many of the “specific” features of the young Republic.

For example, until 1973, attorneys-at-law did not have any purposes of their activities set in legislation because the Attorney-at-law act simply established an appropriate legal institution. The attorneys-at-law were obliged to participate in court proceedings and to deal with other legal issues at the request of a person, or by order of governmental offices — neither the protection of human rights, nor the independence of lawyers were mentioned in the law.

In 1973, Article 1 of the Attorney-at-Law Act was amended by including provisions on purposes of the attorneys’ activities; these provisions have not practically changed their essence until now. So, from 1973 to the present, the South Korean bar association has two purposes. The are to protect fundamental human rights and to ensure social justice, though in fact attorneys-at-law begun actively participate in the human rights advocacy and public life of the state only in 1988. In the same year “The Assembly of lawyers for a democratic society” was established and the mission of the organization was identified; it aimed to provide legal assistance in cases related to human rights (Tikhonov, Kan, 2011:292).

It is noted in the acting edition of the Attorney-at-Law Act that to achieve these purposes each lawyer must responsibly fulfill his/her duties and contribute to maintaining public order and improving the legal system as a whole (article 1).

Fundamentals of a lawyer legal status in the Russian Federation

Russian purposes of the lawyer (hereinafter term “lawyer” will be used to Russian attorneys-at-law, because as it was mentioned in the abstract these terms are synonymous in the Russian language) activities significantly differ from Korean ones. Article 1 of the Federal law on lawyer activities and the bar determines that lawyers provide qualified legal assistance to protect rights, freedoms and interests (only law-

ful of course) of their principals as well as to ensure their access to justice. So, despite the bar is sometimes called the main human rights institution in Russia (Evseenko, Kopylov, 2017:125), its defending function extends primarily to clients of lawyers but not to all society. However, it is necessary to note that representatives of the Russian bar often take an active part in the state's public life, provide legal assistance free of charge and within the activities of human rights organizations. Consequently the bar itself is rightfully one of the most important civil society institutions which supports the rule of law in the state (Belozerova, 2017:49–50).

A lawyer in the Russian Federation is an independent professional legal adviser (Paragraph 1 of Article 2 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar), an equal and rightful member of the professional association of lawyers. Every lawyer in Russia must be a member of the chamber of lawyers in the region of her residence (federation constituent) which are parts of the Federal Bar Association; national chamber of lawyers is isolated from the system of state offices civil society institution (paragraphs 1-2 of article 3, the Federal law on lawyer activities and the bar). A lawyer has the right to give consultations, draw up documents and represent the interests of the principal in court proceedings and in state offices. These competences do not exhaust the list of the lawyer's rights — Paragraph 2 of Article 2 of the above-mentioned federal law contains 10 subparagraphs. Moreover, in accordance with Paragraph 3 this article a lawyer also has the right to provide other types of legal assistance, which are not directly prohibited by law. Thus, the list is open and the legal provisions under study may be summarized as “a lawyer is entitled to provide any legal assistance, which is not prohibited by law”.

The legal status of a lawyer in the Russian Federation compares favorably with the ones of other legal professionals regarding the possibility of combining lawyer activities with other types of activity and employment. A lawyer cannot combine his/her legal practice with employment in governmental offices of federal and regional levels of the state authority in Russia, and in municipal administrations as well (Paragraph 1 of Article 2 of the above-mentioned federal law). In addition, a lawyer has no right to have labor relations as an employee apart from employment for scientific, educational and other creative activities. The Code of Professional Ethics of Lawyers (adopted by the First National Congress of Russian Lawyers on January 31, 2003) clarifies this provision, indicating that lawyers are not entitled to provide legal services outside lawyer activities. There are exceptions for dispute resolution (as a mediator or arbitrator, etc.) and participation in charity projects initiated by other civil society institutions to provide legal assistance without payment. At the same time, a lawyer has the right to invest funds and dispose of his/her property and real estate, as well as to derive income from other sources, which are not related to his/her status (Paragraph 3 of Article 9 of the Code of Professional Ethics of Lawyers). Thus, a lawyer can engage in entrepreneurial activity if such activity does not involve the provision of legal assistance, while, for example, a public notary in Russia has no right to engage in any activity other than scientific, pedagogical and creative (Article

6 of the Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Notaries, which was approved by the Supreme Council of the Russian Federation No. 4462-1 of February 11, 1993). It may be interesting to note, that notaries in Russia have no right to dispose of their own property for the purpose of systematic profit-making (ex., to lease real estate (rent)) and violation of such prohibition entails deprivation of the right to engage in notarial activities².

It is appropriate here to consider in more detail the term “other creative activity”. In accordance with the “List of positions and professions of creative workers of the media and cinematography organizations, television and video crews, theaters, theater and concert organizations, circuses and other persons involved in the creation and (or) performance (exhibiting) of arts, features of whose labor activities are regulated by the Labor Code of the Russian Federation” (approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 252 of April 28, 2007) such activities can be carried out in the respective fields of art by persons working as employees (ballet dancers, conductors, cameramen, television editors, etc.) and workers (costume designers, pyrotechnics, photographers, etc.). Consequently, since the law contains an indication of creative activity and specific types of such activity can be determined in accordance with the mentioned list, a lawyer has the right to combine his/her main (i.e., lawyer’s) activity with employment under a contract as a photographer in a theater or a producer on television or in other positions (the list includes almost two hundred positions).

The status of a lawyer may be obtained by Russian and foreign citizens (as well as stateless persons) who have a higher education in the field of law, received under a state-accredited educational program, or an academic degree in a legal specialty (paragraphs 1 and 6 of article 9, the Federal law on lawyer activities and the bar). However, the legislation does not specify which level of higher legal education is required to apply for the status of a lawyer. The term “higher education” in the Russian Federation refers to under-graduate programs (bachelor degree), specialties (specialist degree), master's programs and training of scientific and pedagogical personnel (postgraduate studies; Paragraph 1 of article 69 of the Federal Law No. 273 of December 29, 2012, “On Education in the Russian Federation”). Any of these educational levels should be considered consistent with the requirements of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar because there are no clarifications in this law. Such clarifications can be found in another law, for example, in Paragraph 3 of Article 12 of the Federal Law No. 79 of July 27, 2004 On the State Civil Service of the Russian Federation, which sets the requirement of compulsory higher education not lower than the level of specialist or master’s degree for applicants for civil service positions (employment in governmental offices) in the categories of managers, assistants (advisers), specialists of the highest and main groups of civil service posts.

---

² The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1523-O of July 2, 2015.

It should be noted that lawyer activities in the Russian Federation can be carried out not only by Russian lawyers, but also by lawyers who have received the status of a lawyer abroad. To provide legal assistance in Russia, lawyers of a foreign state must be registered in a special register maintained by the Ministry of Justice of the Russian Federation (the rules of such assistance are approved by the Ministry of Justice order No. 151 of July 31, 2012). The registration gives them right to provide legal assistance in cases involving the legislation of their home state if the state secrets of the Russian Federation are not affected (Paragraphs 5 and 6 of Article 2 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar).

Current normative regulation of the practice of foreign lawyer activities in Russia allows, as some authors note, a double interpretation (Vorontsova, 2013: 28). On the one hand, a foreign lawyer, as a result of his/her registration in Russia, receives the right to provide legal assistance to his/her clients both on foreign law issues and in other cases; their status as a lawyer in Russia is confirmed, so their rights must be identical to those of Russian lawyers. On the other hand, a foreign lawyer can provide legal assistance only on issues of foreign law thus enjoying the status different from the status of Russian lawyers. That second interpretation seems to be correct, but while it does not give rise to contradictions, it can infringe on the rights of persons seeking legal assistance. The client cannot ask for legal assistance only a foreign lawyer (even if such lawyer speaks the language of legal proceedings and demonstrates sufficient knowledge of the Russian law), he/she must also find a Russian lawyer if the case involves legal relations regulated by Russian legislation. At the same time, a foreign lawyer in Russia can participate in civil and arbitration proceedings as a representative, for this he/she needs to have appropriate powers and confirm his/her higher education in the field of law (it must be recognized by the Russian Federation). These requirements are not necessary if the case is in jurisdiction of justices of the peace or district courts (article 49 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 61 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation).

The applicant for the status of a lawyer must have at least two years of experience in the legal profession or a traineeship in any law firm from one to two years (Paragraph 1 of Article 9, Paragraph 1 of Article 28 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar). In contrast to the level of higher education, the legislation specifies types of employment experience in the legal specialty necessary for acquiring the status of a lawyer. These types include rendering services as a judge, lawyer, assistant of a lawyer, public notary, a lecturer of legal disciplines in professional educational organizations, educational organizations of higher education and scientific organizations, as well as positions in state and municipal services, in legal services of private organizations and in scientific research institutions, if such positions require a higher legal education (Paragraph 4, Article 9 of the above law).

A person who is recognized as incapable or whose legal capacity was limited (as the result of mental or other decease) and a person who has a criminal record for intentional crime cannot be a lawyer in the Russian Federation (Sub-paragraph 2 of

Paragraph 2 of Article 9 of the above law); however, having a criminal record for unintentional crime is not an obstacle to obtaining the status of a lawyer.

Regardless of employment experience, academic degree, previous positions and any other circumstances, any person applying for the status of a lawyer must pass a qualification exam, which consists of two parts (computer testing and interview). However, an academic degree gives the applicant certain advantages — he/she is exempted from the questions during interview in the scientific specialty of his/her dissertation research (Paragraph 7 of Article 2.3 of the Regulation on the Qualification Exam for Assignment Status of a Lawyer Procedure, approved by the Federal Bar Association council on April 25, 2003, protocol No. 2).

If the exam was passed successfully, the qualification commission decides on granting the status of a lawyer, which comes into force on the day the applicant takes the oath of a lawyer (Article 12 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar). Members of the commission are representatives of both the lawyer community and the state (employees of a regional directorate of the Ministry of Justice, the legislative (representative) authority of the federation constituency and the judges (Article 33 of the above law).

A lawyer carrying out his professional activities has some universal powers which are applicable to all cases of providing legal assistance (individual “special” powers of a lawyer as a participant in a particular type of court procedure are regulated by the relevant procedural legislation). Article 6 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar set the rights to collect information necessary for the provision of legal assistance, to interview persons allegedly owning information relevant to the case in which the lawyer provides legal assistance (but only with the consent of the respondents), to collect and submit objects and documents that may be recognized as material and other evidence. In general, a lawyer has the right to take any action that is necessary to provide legal assistance and which does not violate the legislation; the list of powers of a lawyer ends with Subparagraph “7”, setting the right to “perform other actions that are not contrary to law”, so the list is open.

At the same time, a lawyer does not have the right to accept and execute deliberately unlawful instructions of the client, accept instructions of the client in case of a conflict of interest, or act in any way against the interests of the client (an exception is when a lawyer is aware that his/her client has slandered him-self/herself (Paragraph 4 of Article 6 of the above law). A lawyer bears responsibility for violation of these and other prohibitions in accordance with the Code of Professional Ethics of Lawyers (up to the disbarment) and other regulations, including legislative ones. For example, a lawyer may be liable under article 310 of the Criminal Code of the Russian Federation for violating investigation confidentiality and this is just one of many situations when a lawyer may be punished. In addition, with adoption of the Federal Law No. 400 of December 2, 2019, there is a new ambiguous rule (which will be enacted on March 1, 2021) on the prohibition of judicial representation by disbarred persons due to the entry into force of a court sentence on an intentional crime (Sub-

paragraph 4 of Paragraph 1 of Article 17 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar), ignoring or improper provision of professional duties by a lawyer, violation of the rules of the Code of Professional Ethics of Lawyers, illegal use and (or) disclosure of information falling within the concept of professional secrecy of lawyer activities or systematic non-compliance with requirements for a lawyer's request (Sub-paragraphs 1-2.1 of Paragraph 2 of Article 17 of the above law). This new rule not only strengthens the severity of the disciplinary liability of lawyers, but also forms the extrajudicial measure of disciplinary liability (disbarment) almost the same as the criminal punishment of “deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities” (article 47, the Criminal Code of the Russian Federation) that violates the logic of delineation of these types of legal liability.

A lawyer in the Russian Federation can carry out his/her activities both individually (by opening a lawyer's office for private legal practice) and by joining an association (collegium) or firm (bureau), which he/she may establish together with other lawyers. To set up a lawyer's office and establish a collegium or bureau a lawyer must have experience of lawyer activities for three years and more (from March 1, 2020; previously, experience for five years was required; Articles 21-23, the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar). There is the fourth form of organization of lawyer activities, named legal consultation, which may be established only by a regional chamber of lawyers on the proposal of a regional directorate of the Ministry of Justice if there is a shortage of lawyers in the corresponding judicial district. The number of lawyers in such district should be less than two per one federal judge (Article 24, the Federal law on Lawyer Activities and the Bar).

The Russian bar is a self-governing professional community. The state participation in lawyer activities is minimal and includes, first of all, maintaining the register of lawyers (Article 14 of the above law), issuing legal practicing certificates to lawyers (Article 15, *ibid*) and ensuring accessibility of lawyers' legal assistance for the people (by supporting the independence of the legal profession and financing the activities of lawyers providing legal assistance to citizens of the Russian Federation free of charge in special cases (for example, provision of free legal assistance to military personnel on issues related to military service; Paragraph 3 of Article 22 of the Federal Law No. 76 of May 27, 1998 “On the Status of Military Personnel”; Article 3, the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar). The autonomy of the bar is also emphasized by the fact that state offices (including the Ministry of Justice and its regional directorates) have no right to disbar a lawyer by their own decision; they need to send a corresponding submission to the regional chamber of lawyers and only if the chamber does not consider the request within three months, regional directorate of the Ministry of Justice will gain the right to initiate disbarment proceedings in court (Paragraph 6 of Article 17 of the Federal Law on Lawyer Activities and the Bar).

Fundamentals of a lawyer (an attorney-at-law) legal status in the Republic of Korea

The legal status of an attorney-at-law in the modern Republic of Korea has three main features: an attorney-at-law is independent in the performance of his/her duties due to their status; an attorney-at-law is a priori positioned as a professional in the field of law; an attorney-at-law acts as a public person (Article 2 of the Attorney-at-Law Act).

The duties of a lawyer, in a broad sense, include the actions in the framework of preparation and conduct of court proceedings, participation in administrative (and any other) proceedings as a representative of the parties, other interested persons or on behalf of national and local authorities and other state offices (article 3, the Attorney-at-law act).

Persons applying for the status of an attorney-at-law must meet at least one of the three requirements set in Article 4 of the Attorney-at-Law Act. So, an applicant needs to undergo specialized studying program at the Judicial Research and Training Institute after obtaining a higher education degree in the field of law, have experience of serving as judge or prosecutor, or pass attorney's exam without obtaining a higher education degree. It is important to note that any of these requirements is enough for the candidate to become an attorney-at-law (candidate must also register in the Korean Bar Association).

Persons falling under at least one of ten conditions set in Article 5 of the Attorney-at-Law Act have no right to become attorneys-at-law. The following are the most characteristic conditions: (1) sentencing to imprisonment without corrective labor (this measure is considered as a less severe punishment than imprisonment with corrective labor, and, of course, the death penalty) or a more severe punishment for committing a crime when a five-year term after the completion of the assigned punishment has not yet expired (Paragraph 1 of Article 5); (2) dismissal by impeachment or as a result of a disciplinary procedure, or disbarment according the Attorney-at-Law Act and a five-year period thereafter (Paragraph 4 of Article 5); dismissal here refers to the previous place of work, including public service; (3) suspension of a state official from office as a disciplinary measure during the entire term of such suspension (retirement from service before end of term will not remove this restriction (Paragraph 7 of Article 5); (4) deprivation or limitation of legal capacity (Paragraph 8 of Article 5); (5) bankruptcy (Paragraph 9 of Article 5); (6) perpetual disbarment according to the Attorney-at-law act (Paragraph 10 of Article 5). Last condition needs additional comment. According to Article 91 of the Attorney-at-Law Act an attorney-at-law may be disbarred without the right to restore his/her status in case of at least two convictions for an intentional crime related to his/her professional activities with imprisonment without correctional labor or a more severe punishment or recognition of an attorney-at-law as not appropriate for his professional status after at least two disciplinary offenses with suspension of powers or more severe penalties.

In the Attorney-at-Law Act, the South Korean legislator does not concern the citizenship of attorneys-at-law and candidates for their status. Until 2009, the general rule was that only a Korean citizen had the right to be an attorney-at-law in the state. However, on March 3, 2009, the Ministry of Justice announced opening the legal services market (Choi, 2009:101) and a few weeks later (on March 25) the Foreign Legal Consultant Act was adopted (Act No. 9524 of March 25, 2009). As in the Russian Federation, attorneys-at-law from other states must be registered by the Ministry of Justice, which confirms their qualifications and issues certificates giving the right to have legal practice, but only on the issues of the legislation of the state where they received status of attorney-at-law. Any foreign attorney-at-law (in other words “foreign legal consultant”) registered in the Republic of Korea for professional activities has the right to provide legal services (consultations) on issues of his/her national law and international agreements of which his home state is a party to, as well as act as a representative in cases considered in international arbitration courts (Article 24 of the Foreign Legal Consultant Act). At the same time, it is important to note that only a foreign attorney-at-law whose home state has concluded a Free Trade Agreement with the Republic of Korea or any other agreement aimed at trade liberalization and its legal support can practice in Korea (Articles 2 and 6 of the Foreign Legal Consultant Act).

The South Korean legislation sets certain rights and obligations that determine the procedure of professional activities for attorneys-at-law. They have the right to establish law offices (firms), but if an attorney-at-law who obtained his/her status as a result of passing the exam wants to exercise this right, he/she must have experience in the legal specialty (in courts, prosecutor’s offices, public and private law offices and organizations providing legal services, and some other organizations, including international ones) for at least six months (Article 21.2 of the Attorney-at-Law Act). Attorneys-at-law also have the right to hire personnel for their offices whose training and “other necessary matters” are determined by the Korean Bar Association (Paragraph 3 of Article 22, *ibid*). However, hired staff must comply with a number of requirements, including a certain period after serving a sentence of imprisonment with corrective labor or a more severe punishment (three years in case of conviction to the actual serving of the sentence and two years to the suspended sentence; Subparagraph 1 of Paragraph 2 of Article 22, *ibid*) and full legal capacity (Subparagraph 3 of Paragraph 2 of Article 22, *ibid*).

The right of attorneys-at-law to advertise their professional activities in newspapers, magazines, television and radio programs, as well as using computer communication tools is enshrined in the Attorney-at-Law Act separately. The advertisements may contain only truthful, correctly formulated (without exaggeration and ambiguous data) information on the level of education, career, main types of legal assistance provided by an attorney-at-law and generalized results of such assistance. It is important, that information from advertisements must not discredit the reputation of other attorneys-at-law (Article 23). Additional requirements for advertising and the procedure of

their publication are established by the Korean Bar Association, which, like the local bar associations, creates a special commission (committee) that checks the content of all advertisements placed by attorneys-at-law (Paragraphs 3 and 4 of Article 23).

The obligations of attorneys-at-law defined in the legislation are more numerous and concern both the general principles of the organization of lawyer activities (for example, the obligation to preserve dignity; an attorney-at-law must not hide truthful information or make false statements, as well as perform any actions that could damage their reputation; Article 24). Very specific rules concern obligation to annually provide legal assistance in the public interest (*pro bono* assistance; each attorney-at-law is required to provide legal assistance in the public interest for at least a certain number of hours per year. Duration, content and procedure of the assistance are regulated by the Korean Bar Association, local bar association or a governmental office, and an attorney-at-law has no right to avoid this obligation (Article 27 of the Attorney-at-Law Act). Also, an attorney-at-law must maintain a register of their current (and past) cases, indicating all the basic data, such as the date of the case, the amount of the fee, personal information of the client and other details (Article 28, *ibid*).

The Attorney-at-Law Act also provides an extensive list of prohibitions (Articles 29.2-38), violation of which is the basis for liability up to criminal punishments. For example, it is forbidden to conduct independent practice in any cases for lawyers who have received legal status by passing the appropriate exam, if they have less than six months of experience in the legal profession (Article 31.2). It is also forbidden to visit courts, investigative offices, correctional and medical institutions to find clients and impose paid legal assistance (the prohibition applies both to attorneys-at-law and to their employees and any other third parties acting in the interests of an attorney-at-law or the firm (Article 35).

It is noteworthy that there is also prohibition to create commercial enterprises or participate in their activities, as well as hold the positions of a managing partner, director of a commercial organization or employ any staff in such an organization. This prohibition applies to attorneys-at-law with a valid status (to ones whose status is suspended, even if it is disciplinary measure, the prohibition does not apply), but it can be lifted by the decision of the local bar association (Paragraph 2 of Article 38, *ibid*). It should be emphasized that after receiving permission from the local bar association, an attorney-at-law can participate in the activities of only non-legal commercial organizations (which not provide legal assistance), since the Attorney-at-Law Act sets a separate prohibition on hiring an attorney-at-law by a person who does not have the same status to open or secure activities of the organization providing legal assistance.

Supervision of compliance with requirements established by law is carried out by the local bar associations (there are 14 such organizations in Korea) in whose territory they have practice, the Korean Bar Association and the Ministry of Justice jointly (Article 39, *ibid*).

Finally, it is important to underline, that the rights and obligations that characterize the legal status of an attorney-at-law are set not only in the Attorney-at-Law

Act. As in Russian legislation, certain provisions are also enshrined in other regulatory legal acts. For example, the Criminal Procedure Code of the Republic of Korea (Act No. 16850 of December 31, 2019) defines, inter alia, the procedure for defense counsel participation (which can only be an attorney-at-law, although in exceptional circumstances, by decision of a court, other persons also may act as a defense counsel (Article 31) in interrogating the suspect and protecting his/her rights during investigative actions (to make statements and protests, check the interrogation protocol and so on (Article 243.2).

Conclusion

The modern Russian bar faces difficulties of both external and internal nature (which are related, inter alia, to the interaction of lawyers chambers and conflicts between them³), the internal challenges directly concern the legal status of a lawyer and guarantees in providing professional activities. For example, in criminal proceedings, the bar is traditionally considered as an opponent of state law enforcement agencies⁴, however, there is no equality between these opposing parties, although it should be by virtue of the constitutional norm on the adversarial system of proceedings with equal rights of the parties (paragraph 3 of article 123, the Constitution of the Russian Federation).

The Constitutional Court of the Russian Federation indicates that mentioned adversarial system and equal rights involve separation of the function of resolving a criminal case from the functions of the prosecution and defense, separation of procedural powers and positioning of the court as an objective and impartial arbitrator⁵. Although the procedural powers of the prosecution and defense parties are really divided, the “adversarial” process is almost completely under control by the prosecution, so the defense faces more or less active, and sometimes even illegal, opposition of prosecution.

The legal powers of a defense lawyers (attorneys-at-law) in providing legal assistance are very diverse and include collection and presentation of evidence, invitation of specialists, participation in investigative actions, suggestion to provide investigative actions and so on (Article 53 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). At the same time, investigators as representatives of the prosecution often ignore lawyers, unreasonably refusing their suggestions and requests (usually, to interrogate a witness or conduct other investigative actions) and even violating pro-

---

³ The Federal Bar Association. (2019) *Responsible profession and corporation interests*, available at: <https://fparf.ru/news/fpa/otvetstvennoe-otnoshenie-k-interesam-professii-i-korporatsii/> (Accessed 20 November 2019).

⁴ Pilipenko, Yu.S. (2019) *Advokatura svoy vybor sdelala* [The Bar Has Made Its Choice]. 20.08.2019, available at: <https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-svoy-vybor-sdelala> (Accessed 25th November 2019).

⁵ Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of December 8, 2003; Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of June 29, 2004.

fessional secrecy of lawyer activities, providing searches and other actions against the lawyers, which directly contradicts both the law on advocacy and the Criminal Procedure Code⁶.

In January 2019, the State Assembly of the Republic of Bashkortostan proposed to add phrase “as well as in the activities of a defender in order to obstruct the implementation of lawyer activities in criminal proceedings” to the article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation⁷. The authors of the initiative noted that the current edition of article 294 of the Criminal Code sets the criminal legislative guarantee of non-interference in the activities of court, prosecutor, investigator or person conducting an inquiry, while lawyers are deprived of such security. This fact leads to an accusatory inclination (in other words — presumption of guilt) in court proceedings and impunity of encroachments on the lawful activities of lawyers⁸.

Legislative commission of the State Duma considered this initiative and then advised its authors to refrain it from introducing for voting, since the representatives of the prosecution and lawyers have different statuses, and “the defender’s powers are not imperious, they are a set of means to protect rights and lawful interests of clients and provide them legal assistance in criminal proceedings as it is the procedural function of a lawyer”⁹. In fact, both the procedural and personal rights of lawyers are regularly violated sometimes even physical force may be used against lawyers by representatives of state offices¹⁰.

Moreover, although a lawyer is the so-called “special subject” (it means that a lawyer refers to the number of persons in respect of whom the special order of criminal proceedings is defined in chapter 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), the immunities and procedural privileges of judges, prosecutors and other persons are not applicable to lawyers. This circumstance leads to the fact that lawyers are often prosecuted both for the crimes committed by them, and in cases where the criminality of their actions is dubious¹¹. For example, a lawyer may be

---

⁶ Shuvalova, M. Professionalnye prava advokatov: osnovnye narusheniya i sposoby zashchity [The Professional Rights of Lawyers: Major Violations and Methods of Defense]. 21.03.2019, available at: <https://www.garant.ru/news/1264584/#sdfootnote2sym/> (Accessed 25 November 2019).

⁷ Legislative Activities Support System. (2019) Draft of legislative initiative No. 7-768, available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7-768/> (Accessed 20 November 2019).

⁸ Legislative Activities Support System. (2019) Draft of explanatory note for draft of legislative initiative No. 7-768, available at: <http://sozd.duma.gov.ru/download/8FF3FE45-F1B5-4817-B412-CC82517BC4D0/> (Accessed 20 November 2019).

⁹ Legislative Activities Support System. (2019) Draft of conclusion of the Council of legislators commission on draft of legislative initiative No. 7-768, available at: <http://sozd.duma.gov.ru/download/8CDBF4D9-6B92-44D7-B8D5-E85E5ED2FF0F/> (Accessed 20 November 2019).

¹⁰ The Federal Bar Association. (2019) *Running along the court corridor ended with the detention of a lawyer*, available at: <https://fparf.ru/news/fpa/beg-po-koridoru-suda-zakonchilsya-zaderzhaniem-advokata/> (Accessed 20 November 2019).

¹¹ Pravo.ru. (2017) Criminal liability of lawyers: from defenders to accused, available at: <https://pravo.ru/review/view/142170/> (Accessed 25 September 2019).

prosecuted for an unreasonably high, from the point of view of law enforcement of officers, fee for providing legal assistance¹².

In its turn, the Bar of the Republic of Korea also faces some practical “difficulties” and ambiguous legislative decisions. For example, the right of former judges and prosecutors to obtain the status of an attorney-at-law without confirmation of their qualifications seems controversial. This legislative rule exempts such candidates from additional exam which may be considered by someone redundant due to their previous position and experience; at the same time some scholars criticize presumption of their competence which may hardly be guaranteed in all cases. In this regard, the procedure allowing lawyer activities set in Russian legislation seems more preferable.

The obligation of an attorney-at-law to receive permission to engage in other paid activities while preserving the practice of law is also ambiguous. Due to the absence of the unconditional and legislatively set right of attorneys-at-law to combine certain types of activities, it is impossible to exclude the occurrence of corruption risks and abuse during approval of such permits.

In addition, the scientific community of the Republic of Korea draws attention to the problem of the effectiveness and “quality” of legal assistance provided by attorneys-at-law, which is often quite low (Cho, 2016:351–352). However, efforts to overcome the shortcomings of regulation and practice of lawyer activities are carried out both at the scientific (doctrinal) and legislative levels as shows the analysis of the bar evolution in the Republic of Korea.

References / Библиографический список

- Belozerova, I.I. (2017) Historical and legal analysis of the status of lawyer in Russia and France. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4 (40), 46–50. (in Russian).
Белозерова И.И. Историко-правовой анализ статуса адвоката в России и Франции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 46–50.
- Bourgon, J., Roux, P.-E. (2016) The Chosŏn Law Codes in an East Asian Perspective. In: Kim M. S.-H. (ed.) *The Spirit of Korean Law: Korean Legal History in Context*. Leiden, Netherlands, Brill, 19-51.
- Chabayeva, I.S. (2006) Nekotorye aspekty istorii advokatury [Some Aspects of the History of Bar]. *Business in law*. 1 (2), 175–180. (in Russian).
Чабаева И.С. Некоторые аспекты истории адвокатуры // Бизнес в законе. 2006. № 1–2. С. 175–180.
- Cho, G.-Y. (2016) The Right to Effective Assistance of Counsel. *Northeast Asian Law Studies*. 1 (10), 351–381. (in Korean).

---

¹² Klyuygant, V. (2019) O presledovanii advokatov za gonorar [About Charges Against Lawyers for Honorarium] 23.05.2019, available at: <https://fparf.ru/polemic/interview/o-presledovanii-advokatov-za-gonorar/> (Accessed 25 November 2019).

- Choi, K. (2009) Korean Foreign Legal Consultants Act: Legal Profession of American Lawyers in South Korea. *Asian-Pacific Law & Policy Journal*. 11, 100–113.
- Evseenko, T.P., Kopylov, S.V. (2017) The Bar Institute as the Main Human Rights Institution in the Russian Federation. *Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series*. 2, 120–126. (in Russian).
Евсеев Т.П., Копылов С.В. Институт адвокатуры как основной правозащитный институт в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 2. С. 120–126.
- Gavrilov, S. (2018) The History of the Soviet Bar Association. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 4, 62–69. (in Russian).
Гаврилов С.О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 62–69.
- Gessen, I.V. (ed.) (1914) *Istoriya russkoy advokatury Advokatura, obshchestvo i gosudarstvo, 1864–1914 gg. [History of Russian Bar. Advocacy, society and the state, 1864–1914]*. Т. 1. Gessen I.V. Moscow. Publ. Attorneys at Law Edition. (in Russian).
История русской адвокатуры. Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. Т. 1 / Гессен И.В. М.: Изд. Издание Советов присяжных поверенных, 1914. 672 с.
- Kamalova, G.T. (2015) Nature of Activities of the Soviet Advocacy in the Years of NEP. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*. 3, 12–18. (in Russian).
Камалова Г.Т. Характер деятельности советской адвокатуры в годы НЭПа // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. № 3. С. 12–18.
- Lokhvitsky, A.V. (1860) O nashikh khodayayakh po delam [About Our Solicitors for Legal Suits]. *Russkoe slovo — The Russian Word*. February. 43–57. (in Russian).
Лохвицкий А.В. О наших ходатаях по делам // Русское слово. 1860, февраль. С. 43–57.
- Mishina, T.G. (2013) The formation and development of Soviet advocacy in 1917–1930 (by the example of the Novgorod Province). *Vestnik NovSU*. Issue: Liberal Sciences. 72, 76–78. (in Russian).
Мишина Т.Г. Становление и развитие советской адвокатуры с 1917 по 1930 гг. (на примере Новгородской губернии) // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 72. С. 76–78.
- Osadchuk, E.I. (2013) History of Origin and Legal Profession Development in Imperial Russia. *Scientific journal “Scientific notes of Orel state university”*. 4, 81–85. (in Russian).
Осадчук Е.И. История зарождения и развития адвокатуры в царской России // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 81–85.
- Sim, J.-W. (2016) The Trial System of Joseon, and Activities of the Weji-bu entities. *Journal of Ming-Qing Historical Studies*. 46, 107–137. (in Korean).
- Sim, J.-W. (2018) The Existence and Nature of Dae’in Figures Which Appear in Modern Civil Trial Records. *Judicial Research*. 58, 53–85. (in Korean).
- Sin, Kh. (2008) *Istoriya Korei: kratkiy populyarnyy ocherk [History of Korea: A Brief Popular Essay]*. Moscow. Overseas Korean Education Promotion Association Publ. (in Russian).
Син Хёнсик. История Кореи: Краткий популярный очерк. М.: Ассоциация содействия образованию зарубежных корейцев, 2008. 178 с.
- Son, K.-Ch. (2016) Origin and Significance of Lawyer’s System in Korea. *Kyungpook National University Law Journal*. 53, 299–328. (in Korean).
- Solomatin, E.N. (2009) Formirovaniye sovetskoy advokatury v usloviyakh sudebnoy reformy 1922–1930-ye gg. [The Formation of Soviet Bar in the Context of Judicial Reform 1922–1930-ies]. *Izvestiya Tula State University*. 2 (1), 252–258. (in Russian).

- Соломатин Е.Н. Формирование советской адвокатуры в условиях судебной реформы 1922–1930-е гг. // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2009. № 2–1. С. 252–258.
- Solomatin, E.N. (2011) The Pre-Reform Advocacy in Russia: Main Trends and Problems of Development. *Izvestiya Tula State University*. 2 (2), 185–195. (in Russian).
- Соломатин Е.Н. Дореформенная адвокатура в России: основные тенденции и проблемы развития // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2011. № 2–2. С. 185–195.
- Stoyanov, A.N. (1869) *Istoriya advokatury [u drevnikh narodov] Vyp. 1. Drevnii mir: Egipet, Indiya, evrei, greki, rimlyane [History of Bar [among ancient peoples]. Vol. 1. The ancient world: Egypt, India, Jews, Greeks, Romans].* Kharkiv, Publishing House University printing house. (in Russian).
- Стоянов А.Н. История адвокатуры [у древних народов]. Вып. 1. Древний мир: Египет, Индия, евреи, греки, римляне. Харьков. Изд. Унив. тип. 1869. 139 с.
- Tikhonov, V.M., Kang, M. (2011) *History of Korea*. Volume 2. The Twentieth Century. Moscow. Natalis Publ. (in Russian).
- Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2. М.: Наталис, 2011. 499 с.
- Vorontsova, I.V. (2013) About participation of foreign lawyers in proceedings on civil cases. “*Eurasian advocacy*” journal. 1 (2), 26–31. (in Russian).
- Воронцова И.В. Об участии иностранных адвокатов в судопроизводстве по гражданским делам // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). С. 26–31.
- Zakharenkov, D.N. (2017) Problems of realization of the principle of independence in the relationship between advocacy and the state. “*Eurasian advocacy*” journal. 5 (30), 10–13. (in Russian).
- Захаренков Д.Н. Основные начала организации и деятельности адвокатуры советского периода // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 10–13.

About the author:

Denis A. Dobryakov — Candidate of Legal Sciences (PhD), senior lecturer of Department of Judicial Power, Law-Enforcement and Human Rights Activities, Law Institute, RUDN University

ORCID ID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-code: 7147-4646

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС АДВОКАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Д.А. Добряков

Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, Российская Федерация, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Адвокатские корпорации Российской Федерации и Республики Корея прошли достаточно сложный исторический путь и, хотя они сформировались в различных условиях, в настоящее время имеют немало общих и даже универсальных черт. Как в Российской Федерации, так и в Республике Корея адвокатура является одним из важнейших институтов гражданского общества, осуществляющим защиту прав и свобод человека и гражданина, обратившегося к адвокату за юридической помощью либо получающего эту помощь по иным основаниям (например, по назначению следователя или дознавателя в Российской Федерации). К адвокатам предъявляются высокие требования в части их квалификации и опыта практической деятельности. Претенденты на получение статуса адвоката должны пройти специальное испытание (квалификационный экзамен), хотя из этого правила есть и исключения, в чем состоит одно из важных отличий корейского законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности от российского. Если в России любой претендент на получение статуса адвоката вне зависимости от его опыта и ранее занимаемых должностей обязан сдать квалификационный экзамен, то в Республике Корея бывшие прокуроры и судьи имеют привилегированное положение и освобождаются от экзамена — достаточность их квалификации презюмируется. В то же время в Российской Федерации претендент на получение статуса адвоката а priori является юристом, то есть должен иметь высшее юридическое образование, тогда как в Республике Корея доступ в адвокатскую корпорацию открыт для всех вне зависимости от уровня и профиля образования, но не являющиеся юристами претенденты должны в обязательном порядке сдать адвокатский экзамен. В настоящей статье проводится сравнительно-правовой анализ развития и современной регламентации правового статуса адвоката в законодательстве Российской Федерации и Республики Корея, рассматриваются как отличительные особенности законодательства названных стран (некоторые из которых были упомянуты выше), так и общие, даже универсальные черты. Применительно к корейской адвокатуре данное исследование является одним из первых в отечественной юридической науке.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, история адвокатуры, правовой статус адвоката, правозащитная деятельность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования:

Добряков Д.А. Правовой статус адвоката в Российской Федерации и Республике Корея: сравнительно-правовой анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 353–388. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-353-388.

Дата поступления в редакцию: 07 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 10 апреля 2020 г.

Введение

Институт судебного представительства повсеместно существовал в различных формах с момента возникновения судебных учреждений и осознания обществом потребности в квалифицированных юристах-представителях (при этом очевидно, что видение необходимого уровня квалификации и функций судебного представителя менялось, ведь едва ли первоначально от него требовалось что-либо кроме умения читать, писать и внятно излагать свои мысли). Постепенно на основе судебного представительства развилась адвокатура — корпорация профессиональных и независимых советников, оказывающих юридическую помощь доверителям и защищающих их интересы как в рамках судопроизводства, так и в иных обстоятельствах.

Адвокатура может справедливо считаться одним из древнейших и наиболее значимых правозащитных социальных институтов, «основанным на человеческом разуме и стремлении к справедливости», причем право на защитника (адвоката, не только советника и представителя, но и правозаступника) издавна полагается неотчуждаемым и естественным (Stoyanov, 1869:1–2).

С течением времени адвокатура стала уважаемым сообществом, члены которого имеют репутацию компетентных правоведов, осуществляющих свою деятельность в строгом соответствии с законом и корпоративными этическими принципами. Сформировались такие сообщества также в Российской Федерации и Республике Корея, однако в обеих этих странах исторический путь адвокатуры был весьма тернист.

В России адвокатура возникла в 1864 году в результате судебной реформы Александра II — по крайней мере, на таком подходе к истории адвокатуры настаивали сами адвокаты имперской России. «Мы народились не из них, мы даже не произошли из пепла их, мы совсем новые люди, ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться», утверждал П.А. Потехин в 1900 году, отказываясь от родства пореформенных адвокатов (прежде всего присяжных поверенных) с дореформенными стряпчими и поверенными (Gessen, 1914:1–2).

В 1860 году А.В. Лохвицкий (Lokhvitsky, 1860:43–44) отмечал, что дореформенные поверенные, занимавшиеся стряпчеством профессионально, могли быть условно разделены на два вида: первые происходили от ранее существовавших подъячих и брали «по двугривенному и штофу водки за сочинение просьбы, по пяти и десяти целковых за фальшивый паспорт» и оказывавшие прочие услуги сомнительного свойства и качества, тогда как вторые называли «себя громким именем адвокатов — неизвестно по какому праву и на каком основании», брали за составление бумаг «по несколько сот рублей» и по большей части имели высшее образование. При этом уже в 1820 году стряпчие даже в государственных документах определялись как основные виновники судеб-

ных тяжб и несправедливых решений, в связи с чем не рекомендовалось доверять им ведение дел (Solomatin, 2011:185).

В 1864 году с принятием Учреждения судебных установлений был создан институт присяжных поверенных — юристов, чья деятельность была четко регламентирована, а полученная вскоре репутация разительно отличалась от таковой у дореформенных стряпчих и прочих «адвокатов». Присяжными поверенными могли стать лица, имеющие высшее юридическое образование, и которые «прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические знания в производстве судебных дел, или также не менее пяти лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству, или же занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников».

Не допускались в корпорацию присяжных поверенных, помимо прочих, лица, не достигшие двадцати пяти лет, имеющие иностранное подданство, занимающие должности на государственной службе (в том числе и выборные), находящиеся под следствием или осужденные приговором суда, банкроты, а равно и исключенные из числа присяжных поверенных.

Кандидат, желающий стать присяжным поверенным, должен был подать заявление в Совет присяжных поверенных, приложив к заявлению также документы, подтверждающие, что он, кандидат, отвечает всем предъявляемым законом требованиям. Процедура квалификационного экзамена законом предусмотрена не была, как не требовалось и личное собеседование с кандидатом — решение принималось Советом присяжных поверенных на основе анализа представленных документов и сведений, содержащихся в заявлении¹³.

Хотя до 1864 года в российском государстве адвокатуры как института в близком современному понимании фактически не существовало (Chabaeva, 2006:175), нельзя не отметить, что судебное представительство возникло в России гораздо раньше, что находит подтверждение в письменных документах начиная с XV века (Osadchuk, 2013:82).

В 1917 году существовавшая корпорация профессиональных юристов-представителей и все остальные основанные на профессионализме формы представительства и правозаступничества были ликвидированы первым же законодательным актом советской власти (Декретом «О суде») как буржуазная «лавочка» и полноценное «контрреволюционное сословие» (Solomatin, 2009:252–253). Однако само по себе судебное представительство сохранилось — теперь функции представителей и правозаступников могли осуществлять любые советские граждане, имеющие безупречную репутацию (Gavrilov, 2018:65).

С 1918 года советская адвокатура претерпела множество изменений, затронувших в том числе и правовой статус адвокатов. Сначала защитники и пред-

---

¹³ Полное собрание законов Российской Империи. — Собрание второе, том XXXIX, отделение второе. СПб: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 209–214.

ставители оказались на государственной службе в качестве должностных лиц с фиксированной заработной платой из казны (Mishina, 2013:76–77), затем к претендентам на замещение соответствующих должностей было предъявлено требование о двухгодичном стаже работы в области юриспруденции (Kamalova, 2015:13), а с 30 ноября 1979 года, когда был принят Закон СССР «Об адвокатуре в СССР», стало обязательным и наличие высшего образования, вместе с чем формирование советской адвокатуры было в целом завершено (Zakharenkov, 2017:12–13). С отдельными изменениями и дополнениями сложившееся в советское время законодательное регулирование адвокатской деятельности сохранялось вплоть до 1 июля 2002 года, когда вступил в силу ныне действующий Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Иначе исторический путь адвокатуры складывался в Корее, где законодательство местных княжеств и королевств вплоть до конца XIX века основывалось на китайском праве (например, с 1395 года по 1905 год в королевстве действовал «Великий кодекс империи Мин; с пояснениями», представлявший собой китайский уголовный кодекс с комментариями корейских чиновников, дополняющими отдельные статьи закона для их большего соответствия местным условиям (Bourgon, Roux, 2016:21)), что в полной мере касалось также судебного представительства и правозаступничества.

В корейской науке существует стереотип, что жители некогда располагавшихся на Корейском полуострове государств предпочитали всеми возможными способами избегать участия в судебных разбирательствах (как, например, это было и в России до 1864 года). Однако сохранившиеся документы свидетельствуют о сравнительно большом числе судебных процессов, в рамках которых стороны отстаивали в том числе свои гражданские права и имущественные интересы. Это, как отмечается в южнокорейских исследованиях, позволяет сделать вывод о широком участии населения в судопроизводстве, в котором гражданам оказывали содействие обученные грамоте и имевшие общее представление о законодательстве судебные представители, часть из которых служила писцами (Sim, 2016:136–137). При этом еще в конце XIX — начале XX веков в Корее в качестве судебных представителей лица нередко выступали члены семьи тяжущегося лица или иные родственники, причем большинство из них участвовало в разбирательстве только по одному делу и более подобную функцию в иных делах не выполняло (Sim, 2018:84–85).

В 1894–1895 годах в Корее проводились масштабные реформы, известные как реформы Кабо (갑오) и Ыльми (을미 개혁). Эти реформы существенно изменили многие стороны жизни корейского общества, затронув и судебную систему, которая в некоторой степени приблизилась к западным образцам (хотя и опосредованно — основным источником «вдохновения» для корейских реформаторов была Япония, к тому времени уже открывшаяся внешнему влиянию и заодно начавшая распространять свое собственное влияние на близлежащие

страны, среди которых была и Корея) организации судопроизводства с обособлением институтов прокуратуры и адвокатуры (Son, 2016:300).

Однако в близком современном виду адвокатура возникла в Корее только в 1905 году, когда корейское государство утратило суверенитет и стало протекторатом Японской империи (Sin, 2008:121), что сильнее собственных реформ отразилось как на политической, так и на правовой жизни страны, поскольку японское законодательство последовательно стало внедряться на корейской территории. Впрочем, собственно «корейской» такая адвокатура может быть сочтена лишь условно — с 1909 года японские юристы получили право вести адвокатскую практику в Чосоне (корейском королевстве, а позже и марионеточной «империи», находившейся в последние годы своего существования под полным контролем Японии) в соответствии с вновь установленным по настоянию японской администрации нормативным регулированием юридической деятельности на Корейском полуострове. Показательно, что с 1906 по 1908 годы в Корее было зарегистрировано и занималось практикой всего двадцать адвокатов-корейцев, из которых половина прошла соответствующее обучение в Японии, а около трети было отставными государственными служащими (Son, 2016:299).

Только в 1949 году, когда корейское государство несколько лет как обрело независимость, но уже было разделено на антагонистические северную и южную части, был принят Закон Республики Корея об адвокатуре (далее — Закон об адвокатуре; 변호사법, № 63, 시행 1949.11.7). Первая редакция этого южнокорейского закона разительно отличалась от современной и отражала многие «специфические» черты молодой Республики.

Например, до 1973 года у адвокатов не было как таковых целей деятельности, а Закон об адвокатуре просто учреждал соответствующий правовой институт без какого-либо целеполагания. На адвокатов возлагалась обязанность участвовать в судебных разбирательствах и заниматься иными правовыми вопросами по заявлению лица, либо по распоряжению государственных органов (관청) — ни о защите прав человека, ни о независимости адвокатов в их деятельности не было и речи.

В 1973 году в ст. 1 Закона об адвокатуре были внесены изменения, определившие цели деятельности адвокатов в Республике Корея, в формулировку которых с тех пор вносились лишь небольшие уточнения без изменения их сути (변호사법, № 2452, 시행 1973.1.25). Так, с 1973 года по настоящее время перед южнокорейским институтом адвокатуры ставятся две цели — защита фундаментальных прав человека (기본적 인권) и обеспечение социальной справедливости (사회정), причем в действительности активно участвовать в правозащитной и общественной жизни страны южнокорейская адвокатура начала лишь в 1988 году, когда было учреждено «Собрание адвокатов за демократическое общество»,

определившее своей миссией оказание юридической помощи в делах, связанных с правами человека (Tikhonov, Kan, 2011, II:292).

Для достижения этих целей, как отмечается в действующей редакции Закона об адвокатуре, каждый адвокат должен не только ответственно выполнять свои обязанности, но и способствовать поддержанию общественного порядка и совершенствованию правовой системы в целом (ст. 1 Закона об адвокатуре; 변호사법, № 15974, 시행 2018.12.18).

Общая характеристика правового статуса адвоката в Российской Федерации

Закрепленные в законодательстве Российской Федерации цели адвокатской деятельности отличаются от южнокорейских весьма существенно. В статье 1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — ФЗ об адвокатуре) определено, что квалифицированная юридическая помощь оказывается адвокатами в целях защиты прав, свобод и интересов доверителей, а также для обеспечения их доступа к правосудию, то есть, хотя адвокатура и называется иногда (и вполне справедливо) основным правозащитным институтом в России (Evseenko & Korylov, 2017:125), ее правозащитная функция распространяется прежде всего на лиц, которым адвокаты оказывают юридическую помощь, а не на все общество. Впрочем, нельзя не отметить, что представители российской адвокатуры нередко принимают активное участие в общественной жизни страны, оказывают юридическую помощь бесплатно и в рамках деятельности правозащитных организаций, а сама адвокатура по праву может быть названа одним из важнейших институтов правового государства и гражданского общества (Belozerova, 2017:49–50).

Адвокат в Российской Федерации является независимым профессиональным советником по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 ФЗ об адвокатуре), который на основе принципа равноправия входит в профессиональное сообщество адвокатов (каждый адвокат в Российской Федерации должен быть членом палаты адвокатов того или иного субъекта федерации, которые, в свою очередь, состоят в Федеральной палате адвокатов), законодательно отнесенное к числу институтов гражданского общества и обособленное от системы государственных органов (п. 1–2 ст. 3 ФЗ об адвокатуре). Адвокат вправе давать консультации, составлять документы, представлять интересы доверителя в судопроизводстве и в органах государственной власти, однако этим перечень полномочий адвоката не исчерпывается (п. 2 ст. 2 ФЗ об адвокатуре содержит 10 подпунктов), более того — этот перечень открыт, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 2 ФЗ об адвокатуре адвокат вправе оказывать и иную юридическую помощь, не запрещенную законом, т.е. все это можно было бы обобщить такой формулировкой: «вправе оказывать любую юридическую помощь, не запрещенную законом».

При этом правовое положение адвоката в Российской Федерации выгодно отличается от положения других представителей юридического сообщества в части возможности совмещения адвокатской деятельности с иными видами деятельности. В соответствии с п. 1 ст. 2 ФЗ об адвокатуре адвокат не может совмещать адвокатскую деятельность с замещением государственных должностей Российской Федерации и ее субъектов, должностей государственной службы и муниципальных должностей. Также адвокат не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года) уточняет это положение, указывая, что адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги, за исключением деятельности по урегулированию споров (в том числе в качестве медиатора, третейского судьи) и участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе. В то же время адвокат вправе инвестировать средства и распоряжаться своим имуществом, включая недвижимость, а также извлекать доход из других источников, если при этом не используется статус адвоката (п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката). Таким образом, адвокат может заниматься в том числе предпринимательской деятельностью, если такая деятельность не предполагает оказания юридической помощи, тогда как, например, нотариус не имеет права заниматься какой-либо деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой (ст. 6 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1)) — не имеет он права и распоряжаться собственным имуществом в целях систематического извлечения прибыли (в частности, сдавать недвижимость в аренду (наем)), причем нарушение этого запрета влечет лишение права на занятие нотариальной деятельностью¹⁴.

Здесь уместно подробнее остановиться на «иной творческой деятельности» — в соответствии с «Перечнем профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, особенности трудовой деятельности которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства РФ от 28.04.2007 № 252) такая деятельность может осуществляться в соответствующих творческих областях лицами, работающими в качестве служащих (артистов балета, дирижеров, кинооператоров, редакторов телевидения и проч.) и рабочих (костюмеров, пиротехников, фотографов и проч.).

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1523-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 6 и 23 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате».

Таким образом, коль скоро закон содержит указание на творческую деятельность, а конкретные виды такой деятельности могут быть определены в соответствии с названным перечнем, адвокат имеет право совмещать свою основную (т.е. адвокатскую) деятельность с работой по трудовому договору в качестве, например, фотографа в театре или продюсера на телевидении (упомянутый перечень должностей и профессий творческих работников насчитывает почти двести позиций).

Статус адвоката в соответствии с российским законодательством вправе приобрести российские и иностранные граждане (а также апатриды), имеющие высшее юридическое образование, полученное по аккредитованной государством образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности (п. 1, 6 ст. 9 ФЗ об адвокатуре). При этом в законе не уточняется, какой именно уровень высшего юридического образования необходим для получения права претендовать на приобретение статуса адвоката. В настоящее время под «высшим образованием» в Российской Федерации понимается освоение программ бакалавриата, специалитета, магистратуры и подготовки научно-педагогических кадров (ч. 1 ст. 69 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Получение любого из этих уровней образования следует считать соответствующим требованиям ФЗ об адвокатуре постольку, поскольку в данном законе отсутствуют какие-либо уточнения, которые есть, например, в ч. 3 ст. 12 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где закреплено требование об обязательном наличии высшего образования не ниже уровня специалитета или магистратуры для претендентов на замещение должностей гражданской службы категорий «руководители», «помощники (советники)», «специалисты» высшей и главной групп должностей гражданской службы.

Следует отметить, что адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации могут осуществлять не только российские адвокаты, но и юристы, получившие адвокатский статус за рубежом. Для оказания юридической помощи в России адвокаты иностранного государства должны быть зарегистрированы в специальном реестре, который ведется Министерством юстиции РФ (в соответствии с регламентом, утвержденным приказом Минюста от 31.07.2012 № 151), причем такая регистрация дает им право на оказание юридической помощи по вопросам права данного иностранного государства, если в деле не затрагивается государственная тайна Российской Федерации (пункты 5 и 6 ст. 2 ФЗ об адвокатуре).

Такое нормативное регулирование осуществления адвокатской деятельности на территории Российской Федерации иностранными адвокатами допускает, как отмечают некоторые авторы, двоякое толкование (Vorontsova, 2013:28). С одной стороны, иностранный адвокат вследствие регистрации в упомянутом реестре получает право оказывать юридическую помощь своим доверителям как по вопросам иностранного права, так и в общем — ведь его статус как адвоката

на российской территории подтвержден, а значит и права должны быть тождественны таковым у российских коллег. С другой стороны, иностранный адвокат может оказывать юридическую помощь только по вопросам иностранного права и имеет статус, отличный от статуса российских адвокатов. И хотя именно второе толкование видится правильным, оно если и не порождает противоречия, то может в определенной степени ущемлять права лиц, обращающихся за юридической помощью. Так, доверитель не может обратиться за помощью только к иностранному адвокату (хотя бы он даже и владел языком судопроизводства и имел достаточные познания в российском праве), а должен найти также и российского адвоката, если дело затрагивает правоотношения, регулируемые российским законодательством. Вместе с тем иностранный адвокат может участвовать на территории Российской Федерации, например, в гражданском и арбитражном судопроизводстве в качестве представителя-юриста, для чего ему необходимо иметь соответствующие (и надлежащим образом оформленные) полномочия и подтвердить наличие высшего юридического образования (признаваемого Российской Федерацией), которое и вовсе не требуется, если дело рассматривается мировыми судьями или районными судами (ст. 49 ГПК РФ и ст. 61 АПК РФ).

Претендент на получение статуса адвоката должен иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в любом адвокатском образовании, срок которой может составлять от одного до двух лет (п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 28 ФЗ об адвокатуре). В отличие от уровня высшего образования стаж работы по юридической специальности, необходимый для приобретения статуса адвоката, законодателем уточнен — в такой стаж включается работа в качестве судьи, адвоката, помощника адвоката, нотариуса, в качестве преподавателя юридических дисциплин в профессиональных образовательных организациях, образовательных организациях высшего образования и научных организациях, а также на должностях государственной и муниципальной службы, должностях в юридических службах частных организаций и в научно-исследовательских учреждениях, если такие должности требуют высшего юридического образования (п. 4 ст. 9 ФЗ об адвокатуре).

Не может быть адвокатом в Российской Федерации только лицо, признанное недееспособным или ограниченно дееспособным, либо имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления (подп. 2 п. 2 ст. 9 ФЗ об адвокатуре). В свою очередь, наличие судимости за совершение неумышленного преступления не является препятствием для получения адвокатского статуса.

Вне зависимости от стажа, наличия ученой степени, ранее занимаемых должностей и каких-либо иных обстоятельств, любое лицо, претендующее на получение статуса адвоката, должно сдать квалификационный экзамен, состоящий из двух частей (компьютерное тестирование и устное собеседование). Однако ученая степень все же дает претенденту определенные преимущества — он освобождается от проверки знаний в ходе квалификационного экзамена (устной

части, т.е. собеседования) по научной специальности его диссертационного исследования (абз. 7 п. 2.3 Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, утв. Советом ФПА РФ 25.04.2003 (протокол № 2)).

В случае успешной сдачи экзамена квалификационная комиссия, формируемая из представителей как от адвокатского сообщества, так и от государства (сотрудники территориального органа юстиции, законодательного (представительного) органа власти субъекта федерации и судьи; ст. 33 ФЗ об адвокатуре), принимает решение о присвоении статуса адвоката, которое вступает в силу со дня принятия претендентом присяги адвоката (ст. 12 ФЗ об адвокатуре).

При осуществлении своей профессиональной деятельности адвокат имеет ряд универсальных полномочий, распространяющихся на все виды и случаи оказания юридической помощи (отдельные «специальные» полномочия адвоката как участника того или иного вида судопроизводства регулируются соответствующим процессуальным законодательством). Среди них в п. 3 ст. 6 ФЗ об адвокатуре указаны права собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь (но только с согласия опрашиваемых лиц), собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами — в целом адвокат вправе предпринимать любые действия, которые необходимы для оказания юридической помощи и не противоречат законодательству (перечень полномочий адвоката завершается подпунктом «7», закрепляющим право адвоката «совершать иные действия, не противоречащие законодательству», т.е. он является открытым).

В то же время адвокат не вправе принимать и выполнять заведомо незаконные поручения доверителя, принимать поручения доверителя при конфликте интересов, а также каким-либо образом действовать против интересов доверителя (исключение составляет ситуация, когда адвокат убежден в том, что его доверитель оговорил себя; п. 4 ст. 6 ФЗ об адвокатуре). Ответственность за нарушение этих и прочих весьма многочисленных запретов адвокат несет в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката (вплоть до прекращения статуса адвоката) и иными актами, в том числе и законодательными. Так, адвокат может нести ответственность по ст. 310 УК РФ в связи с разглашением адвокатом тайны предварительного расследования — и это лишь один из множества примеров. Кроме того, с 1 марта 2021 года (Федеральный закон от 02.12.2019 № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”») вступает в силу положение (которое — нельзя не обратить на это внимание — является весьма неоднозначным) о запрете осуществления судебного представительства лицами, лишенными адвокатского статуса вследствие вступления в законную силу приговора суда о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления (подп. 4 п. 1 ст. 17 ФЗ об адвокатуре), неисполнения или ненадлежа-

щего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, нарушения норм кодекса профессиональной этики адвоката, незаконного использования и (или) разглашения информации, подпадающей под понятие адвокатской тайны, либо систематического несоблюдения требований к адвокатскому запросу (подп. 1-2.1 п. 2 ст. 17 ФЗ об адвокатуре). Эта новелла не только усиливает строгость дисциплинарной ответственности адвокатов, но и фактически приближает внесудебную меру дисциплинарной ответственности «прекращение статуса адвоката» к уголовному наказанию «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» (ст. 47 УК РФ), что, как представляется, нарушает логику разграничения этих видов юридической ответственности.

Адвокат в Российской Федерации может осуществлять свою деятельность как индивидуально (открыв адвокатских кабинет), так и вступив в коллегия или бюро, которые он вправе также и учредить совместно с другими адвокатами. Для открытия адвокатского кабинета и учреждения коллегии или бюро установлен ценз стажа адвокатской деятельности, который составляет три года (с 1 марта 2020 года; ранее этот срок составлял пять лет; ст. 21–23 ФЗ об адвокатуре). Существует и четвертая форма организации адвокатской деятельности, именуемая юридической консультацией. В отличие от прочих форм юридическая консультация учреждается не самими адвокатами, а адвокатской палатой субъекта федерации по представлению территориального управления Минюста России, причем для ее учреждения необходимо, чтобы в соответствующем судебном районе наблюдалась нехватка адвокатов — их число во всех адвокатских образованиях должно составлять менее двух на одного федерального судью (ст. 24 ФЗ об адвокатуре).

Российская адвокатура является самоуправляемым профессиональным сообществом, что выражается в минимальном участии со стороны государства, которое состоит, прежде всего, в ведении реестра адвокатов (ст. 14 ФЗ об адвокатуре), выдаче адвокатам удостоверений (ст. 15 ФЗ об адвокатуре) и в обеспечении доступности для населения юридической помощи адвокатов (поддержка независимости адвокатуры и финансирование деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в предусмотренных законом случаях (например, бесплатное оказание юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы; п. 3 ст. 22 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»); ст. 3 ФЗ об адвокатуре). Автономии адвокатуры подчеркивает также и то обстоятельство, что для прекращения статуса адвоката государство в лице территориального органа юстиции направляет соответствующее представление в адвокатскую палату и лишь в том случае, если адвокатская палата не рассмотрит такое представление в трехмесячный срок, территориальный орган юстиции вправе обратиться в суд и обойти внутрикорпоративный порядок разрешения подобных вопросов (п. 6 ст. 17 ФЗ об адвокатуре).

Общая характеристика правового статуса адвоката в Республике Корея

Правовой статус адвоката в современной Республике Корея характеризуется тремя основными признаками: адвокат независим при исполнении своих обязанностей, обусловленных его статусом; адвокат априори позиционируется как профессионал в области права; адвокат действует как публичное лицо (ст. 2 Закона об адвокатуре).

В обязанности адвоката — в широком смысле — входит выполнение необходимых действий в рамках подготовки и проведения судебных разбирательств, а также участие в производстве по административным («и каким-либо иным») делам в качестве представителя сторон или иных заинтересованных лиц, а равно и по поручению национальных и местных органов власти и иных государственных органов (ст. 3 Закона об адвокатуре).

Лица, претендующие на получение статуса адвоката, должны соответствовать хотя бы одному из трех требований, закрепленных в ст. 4 Закона об адвокатуре. Так, адвокатом может стать лицо, прошедшее профильное обучение в Институте судебных исследований (사법연수원; дословный перевод — «Институт судебных исследований и обучения») после сдачи экзамена по юриспруденции (как итога обучения в профильном высшем учебном заведении), либо ранее занимавшее должность судьи или прокурора, либо сдавшее адвокатский экзамен (без получения высшего юридического образования). Необходимо еще раз подчеркнуть, что для получения адвокатского статуса в Республике Корея необходимо соответствовать любому из этих требований и пройти процедуру регистрации в Корейской ассоциации адвокатов (대한변호사협회; ст. 7 Закона об адвокатуре), причем среди таких требований нет обязательного наличия высшего юридического образования у всех претендентов на получение статуса адвоката — для допуска к сдаче адвокатского экзамена необходимость наличия такого образования законом прямо не установлена.

В свою очередь не могут быть допущены к занятию адвокатской практикой (и получению статуса адвоката в целом) лица, которые подпадают хотя бы под одно из десяти обстоятельств, закрепленных в ст. 5 Закона об адвокатуре. Среди этих обстоятельств можно выделить наиболее характерные: осуждение к лишению свободы без исправительного труда (금고; данная мера считается менее строгим наказанием, чем «каторга», т.е. лишение свободы с привлечением к исправительному труду, и, разумеется, смертная казнь) или более строгому наказанию за совершение преступления и неистечение пятилетнего срока после окончания исполнения назначенного наказания (п. 1; такой срок является своего рода испытательным периодом, похожим по своей правовой природе на российскую судимость, хотя подобные меры в Уголовном кодексе Республики Корея отдельно не оговариваются); увольнение в порядке импичмента или вследствие дисциплинарной процедуры либо лишение адвокатского статуса на основе Закона об адвокатуре и неистечение пятилетнего срока после этого (п. 4;

увольнение в данном случае касается предыдущего места работы — в том числе и государственной службы); отстранение государственного служащего от должности в порядке дисциплинарного взыскания в течение всего срока отстранения от должности (при этом необходимо полное отбытие данного срока — уход служащего в отставку действие данного обстоятельства не прерывает; п. 7); лишение или ограничение дееспособности с нахождением под опекой или попечительством (п. 8); невосстановление в правах после признания банкротом (п. 9); бессрочное лишение права на занятие адвокатской деятельностью в соответствии с Законом об адвокатуре (п. 10; основаниями для бессрочного лишения права на занятие адвокатской деятельностью — лишения адвокатского статуса без права его восстановления являются, во-первых, не менее двух случаев осуждения адвоката за совершение умышленного преступления, связанного с его профессиональной деятельностью, с назначением наказания в виде лишения свободы без исправительного труда или более строгого наказания (в том числе и отбываемого условно), и во-вторых, признание лица не соответствующим статусу адвоката в связи с совершением им не менее двух дисциплинарных проступков, за которые его полномочия приостанавливались, либо он подвергался более строгому взысканию (ст. 91 Закона об адвокатуре)).

Интересно, что в Законе об адвокатуре южнокорейский законодатель вовсе не касается гражданства адвокатов и претендентов на получение адвокатского статуса. До 2009 года по общему правилу предполагалось, что адвокатом в Республике Корея может быть только гражданин этого государства, однако 3 марта 2009 года Министерство юстиции заявило, что рынок юридических услуг вскоре будет частично открыт и для иностранных юристов (Choi, 2009:101), что и произошло 25 марта того же года с принятием Закона Республики Корея об иностранных правовых консультантах (№ 9524). Как и в Российской Федерации, адвокаты из других стран должны быть зарегистрированы Министерством юстиции Республики Корея, которое подтверждает их квалификацию и выдает сертификат, дающий право иметь юридическую практику, но только по вопросам законодательства страны, где они получили адвокатский статус. Любой иностранный адвокат, надлежащим образом зарегистрированный и осуществляющий свою деятельность в Республике Корея, может оказывать юридические услуги (консультации) по вопросам его национального права и международных соглашений, участником которых является его страна, а также выступать представителем в делах, рассматриваемых в международных арбитражных судах (ст. 24 Закона об иностранных правовых консультантах). При этом важно, что может иметь практику в Республике Корея только тот иностранный адвокат, страна «происхождения» которого заключила с Республикой Корея соглашение о свободной торговле, либо любое другое соглашение, направленное на либерализацию торговли и ее правового сопровождения (ст. 2 и 6 Закона об иностранных правовых консультантах).

Южнокорейским законодательством установлены конкретные права и обязанности, которые определяют порядок осуществления адвокатами профессиональной деятельности. Адвокаты имеют право учреждать офисы (конторы; 법률사무소), причем если данное право хочет реализовать адвокат, получивший адвокатский статус в результате сдачи экзамена, он должен иметь стаж работы по юридической специальности (в судах, прокуратуре, государственных и частных органах и организациях, оказывающих правовые услуги, и некоторых других организациях, в том числе и международных) не менее шести месяцев (ст. 21.2 Закона об адвокатуре). Кроме того, адвокаты вправе нанимать в свои офисы персонал, порядок подготовки которого и «прочие необходимые вопросы» определяются Корейской ассоциацией адвокатов (ч. 3 ст. 22 Закона об адвокатуре), однако нанимаемые работники должны соответствовать ряду требований, среди которых истечение определенного срока после отбытия наказания в виде лишения свободы с исправительным трудом или более строгого наказания (три года в случае осуждения к реальному отбыванию наказания и два года — к условному; п. 1 ч. 2 ст. 22 Закона об адвокатуре) и полная дееспособность (нахождение под опекой или попечительством делает невозможным замещение должностей работников офиса адвоката; п. 3 ч. 2 ст. 22 Закона об адвокатуре).

Отдельно в Законе об адвокатуре оговаривается право адвокатов на размещение рекламы в газетах, журналах, теле- и радиопередачах, а также при помощи «компьютерной связи» (컴퓨터통신 등의), а также устанавливаются требования к рекламным объявлениям, которые могут содержать только правдивые, корректно сформулированные (без преувеличений и информации, допускающей неоднозначное толкование) и не порочащие репутацию других адвокатов сведения об уровне образования, карьере адвоката (или адвокатов — членов адвокатского образования), основных видах оказываемой правовой помощи и обобщенных результатах оказания такой помощи (ст. 23). Дополнительные требования к рекламе и порядок ее публикации устанавливаются Корейской ассоциацией адвокатов, которая, как и местные ассоциации адвокатов, создает специальную комиссию (комитет), проверяющую содержание всех рекламных объявлений, размещаемых адвокатами (ч. 3, 4 ст. 23).

Обязанности адвокатов, определенные в законе, более многочисленны и касаются как общих принципов организации адвокатской деятельности (например, обязанность сохранять достоинство — адвокат не должен скрывать правдивые сведения или делать ложные заявления, а равно и совершать какие-либо действия, способные навредить его репутации; ст. 24 Закона об адвокатуре), так и вполне конкретных вопросов, среди которых, помимо прочих, обязанность ежегодно оказывать правовую помощь в общественных интересах (помощь pro bono; каждый адвокат обязан выполнять действия в интересах общества не менее определенного числа часов в год — как содержание и порядок осуществления, так и продолжительность таких действий устанавливаются Корейской ассоциацией адвокатов, местной ассоциацией адвокатов или государственным ор-

ганом, при этом право адвоката отказаться от такой деятельности с уплатой повышенного взноса или иной «компенсации» законом не предусмотрено; ст. 27 Закона об адвокатуре) и ведение реестра дел, с которыми работал (и работает) адвокат с указанием в нем всех основных данных по каждому делу, как то дата принятия дела, сумма гонорара, персональная информация доверителя и прочие сведения и обстоятельства (ст. 28 Закона об адвокатуре).

Также в Законе об адвокатуре закреплён пространный перечень запретов (ст. 29.2-38), нарушение которых является основанием для привлечения к ответственности — вплоть до уголовной. В частности, запрещается вести самостоятельную практику по любым делам адвокатам, получившим адвокатский статус посредством сдачи соответствующего экзамена, если они имеют стаж работы по юридической специальности менее шести месяцев (ст. 31.2), запрещается посещать суды, следственные органы, исправительные и медицинские учреждения в целях навязывания возмездной правовой помощи (запрет распространяется как на адвокатов, так и на сотрудников адвокатских образований и любых других сторонних лиц, действующих в интересах адвоката или адвокатского образования; ст. 35), и так далее.

Обращает на себя внимание и запрет создавать коммерческие предприятия или участвовать в их деятельности, а также занимать должности управляющего партнера, директора коммерческой организации или любого наемного работника в подобной организации. Такой запрет распространяется на адвокатов, имеющих действующий статус (адвокатов, чей статус приостановлен, в том числе и в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности, этот запрет не касается), но он может быть снят решением местной ассоциации адвокатов (ч. 2 ст. 38). При этом необходимо подчеркнуть, что, получив разрешение местной ассоциации адвокатов, адвокат может в той или иной форме участвовать в деятельности лишь неюридических коммерческих организаций, поскольку Закон об адвокатуре содержит отдельный запрет на наем адвоката лицом, не имеющим адвокатского статуса, в целях открытия или обеспечения деятельности организации, оказывающей правовую помощь.

Контроль за соблюдением адвокатами установленных законом требований осуществляется местными ассоциациями адвокатов (таких организаций всего 14), на территории которых они имеют практику, Корейской ассоциацией адвокатов и Министерством юстиции совместно (ст. 39 Закона об адвокатуре).

Здесь следует отметить, что права и обязанности, характеризующие правовой статус адвоката, устанавливаются не только в Законе об адвокатуре — как и в российском законодательстве, отдельные положения о них закреплены и в других нормативных правовых актах. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Корея (형사소송법, № 16850, 시행 2019.12.31) определен, помимо прочего, порядок участия защитника (которым в Республике Корея может быть только адвокат, хотя в исключительных обстоятельствах по решению суда к участию в процессе в качестве защитника может быть допущено и другое ли-

цо; ст. 31) в допросе подозреваемого и его права в ходе осуществления этого следственного действия (делать заявления, проверять протокол допроса, заявлять протесты и так далее; ст. 243.2).

Заключение

Современная российская адвокатура сталкивается с трудностями как внешнего, так и внутреннего свойства (связанными в том числе с взаимодействием органов адвокатского самоуправления и возникновением конфликтов между ними¹⁵), причем первые непосредственно касаются правового статуса адвоката и обеспечения гарантий его независимости при осуществлении профессиональной деятельности. Например, в уголовном судопроизводстве адвокатура традиционно полагается противником правоохранительных органов¹⁶, однако равенства между этими противоборствующими сторонами не наблюдается, хотя оно и должно иметь место в силу конституционной нормы об осуществлении судопроизводства в Российской Федерации на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Конституционный Суд РФ указывает, что упомянутые состязательность и равноправие предполагают отделение функции разрешения уголовного дела от функций обвинения и защиты, разделение процессуальных полномочий и обособление суда как объективного и беспристрастного арбитра¹⁷. И хотя процессуальные полномочия сторон обвинения и защиты действительно разделены, «состязательный» процесс практически безраздельно находится во власти стороны обвинения, оказывающей стороне защиты более или менее активное, а порой и вовсе незаконное противодействие. Предусмотренные в законодательстве полномочия защитника-адвоката при оказании юридической помощи весьма разнообразны и включают в себя сбор и представление доказательств, привлечение специалистов, участие в следственных действиях, ходатайство о проведении следственных действий и так далее (ст. 53 УПК РФ), однако представители стороны обвинения в лице следователей и дознавателей нередко игнорируют их, необоснованно отказывая адвокатам в удовлетворении ходатайств (обычно

---

¹⁵ Ответственное отношение к интересам профессии и корпорации // Федеральная палата адвокатов РФ, available at: <https://fparf.ru/news/fpa/otvetstvennoe-otnoshenie-k-interesam-professii-i-korporatsii/> (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁶ Филипенко Ю.С. Адвокатура свой выбор сделала // Федеральная палата адвокатов РФ, 20.08.2019, available at: <https://fparf.ru/news/fpa/advokatura-svoy-vybor-sdelala> (Accessed 25 November 2019).

¹⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

о допросе свидетеля либо проведении иных следственных действий), допуская также нарушение адвокатской тайны, проведение обысков и иных действий уже в отношении самих адвокатов, что прямо противоречит как законодательству об адвокатуре, так и УПК РФ¹⁸.

В январе 2019 года Государственное Собрание Республики Башкортостан предложило проект законодательной инициативы, предусматривающий внесение в ст. 294 УК РФ дополнения в виде формулировки «а равно в деятельность защитника в целях воспрепятствования осуществлению адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве»¹⁹. В проекте пояснительной записки авторы инициативы отмечали, что действующая редакция ст. 294 УК РФ закрепляет уголовно-правовое обеспечение гарантии невмешательства в деятельность суда, прокурора, следователя либо лица, производящего дознание, тогда как адвокаты такого обеспечения лишены, что приводит к обвинительному уклону судопроизводства и фактической безнаказанности посягательств на законную деятельность адвокатов²⁰.

После рассмотрения данной законодательной инициативы его авторам было рекомендовано воздержаться от внесения соответствующего законопроекта в Государственную думу РФ, поскольку представители стороны обвинения и адвокаты обладают разным статусом, а «полномочия защитника не носят властный характер, а выступают средством реализации им процессуальной функции по защите прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказанию им юридической помощи по уголовному делу, производство по которому осуществляет суд, следователь или дознаватель»²¹. Вместе с тем регулярно нарушаются как процессуальные, так и личные права адвокатов — встречаются случаи применения физического насилия в отношении адвокатов со стороны представителей государственных органов²².

Более того, хотя адвокат и является так называемым «спецсубъектом», т.е. относится к числу лиц, в отношении которых в Главе 52 УПК РФ определены особенности производства по уголовным делам, закрепленные в уголовно-

¹⁸ Шувалова М. Профессиональные права адвокатов: основные нарушения и способы защиты // Гарант.ру, 21.03.2019, available at: <https://www.garant.ru/news/1264584/#sdfootnote2sym/> (Accessed 25 November 2019).

¹⁹ Проект законодательной инициативы № 7-768 «О внесении изменений в статью 294 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности, available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7-768/> (Accessed 20 November 2019).

²⁰ Проект пояснительной записки проекта законодательной инициативы № 7-768 // Система обеспечения законодательной деятельности, available at: <http://sozd.duma.gov.ru/download/8FF3FE45-F1B5-4817-B412-CC82517BC4D0/> (Accessed 20 November 2019).

²¹ Проект заключения комиссии Совета законодателей по проекту законодательной инициативы № 7-768 // Система обеспечения законодательной деятельности, available at: <http://sozd.duma.gov.ru/download/8CDBF4D9-6B92-44D7-B8D5-E85E5ED2FF0F/> (Accessed 20 November 2019).

²² Бег по коридору суда закончился задержанием адвоката // Федеральная палата адвокатов РФ, available at: <https://fparf.ru/news/fpa/beg-po-koridoru-suda-zakonchilsya-zaderzhanie-advokata/> (Accessed 20 November 2019).

процессуальном законе иммунитеты и преимущества судей, прокуроров и прочих лиц на адвокатов не распространяются. Это приводит к тому, что адвокаты часто привлекаются к уголовной ответственности как за действительно совершенные ими преступления, так и в тех случаях, когда преступность их действий вызывает сомнения²³ — например, в связи с получением адвокатом необоснованно высокого, с точки зрения правоохранительных органов, вознаграждения за оказание юридической помощи²⁴.

В свою очередь, южнокорейская адвокатура также сталкивается с некоторыми практическими «сложностями» и неоднозначными законодательными решениями. Так, спорным представляется закрепленное в законодательстве право бывших судей и прокуроров на получение статуса адвоката без подтверждения квалификации, что освобождает таких кандидатов от дополнительного и способного показаться избыточным в силу их прежнего положения экзамена, но в то же время презюмирует их компетентность — едва ли во всех случаях имеющуюся. В этой связи более предпочтителен порядок допуска к адвокатской деятельности, предусмотренный в российском законодательстве.

Неоднозначной видится и необходимость получения адвокатом разрешения на занятие иной оплачиваемой деятельностью одновременно с сохранением адвокатской практики — из-за отсутствия безусловного и законодательно закрепленного права адвокатов на совмещение отдельных видов деятельности нельзя исключить возникновение коррупционных рисков и злоупотреблений при согласовании таких разрешений.

Кроме того, научное сообщество Республики Корея обращает внимание на проблему эффективности и «качества» правовой помощи, предоставляемой адвокатами, которая довольно часто оказывается небезупречна (Gho, 2016:351–352). Впрочем, работа, направленная на преодоление недостатков нормативного регулирования и практики адвокатской деятельности, ведется как на доктринальном, так и на законодательном уровне, что можно заметить при анализе эволюции института адвокатуры в Республике Корея.

Об авторе:

Добряков Денис Андреевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, Юридический институт, Российский университет дружбы народов.

ORCID ID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-код: 7147-4646

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

---

²³ Уголовная ответственность адвокатов: из защитников в обвиняемые // Право.ru, 07.07.2017, available at: <https://pravo.ru/review/view/142170/> (Accessed 20 November 2019).

²⁴ Ключвант В. О преследовании адвокатов за гонорар // Федеральная палата адвокатов РФ, 23.05.2019, available at: <https://fparf.ru/polemic/interview/o-presledovanii-advokatov-za-gonorar/> (Accessed 25 November 2019).